

НА ВЫСТАВКѢ.

Въ воскресенье я чуть-чуть не превратился въ яраго самобытника по винѣ „вопленницы“ Федосовой, Маковского и Главача. Федосова—это олицетвореніе старой русской народной поэзіи, она и сама, по внѣшности своей—старая, спѣтая нѣсня. Маленькая, хромая, вся въ морщинахъ, съ серебряной головой, она какъ-то выкатилась, а не вышла на эстраду и выставочная публика, привыкшая видѣть предъ собой артистовъ, корректо одѣтыхъ, съ эlegantными жестами, импозантныхъ, съ эффектами шика во всей фигурѣ, отъ прически до концевъ ботинокъ,—публика была изумлена, видя предъ собой эту хромую старушку, въ ситцевомъ платьѣ и въ бѣломъ ситцевомъ платкѣ на головѣ.

Она вышла, въ поясъ поклонилась публикѣ, сѣла въ кресла и—на ея коричневомъ, морщинистомъ лицѣ вдругъ вспыхнули два ясные огонька, ея живые вдохновенные глаза. И вслѣдъ за ея взглядомъ на залъ—въ залѣ раздался задушевный голосъ, говорившій старинную народную былинку о Добрынь. Голосъ старческий, еще довольно ясный, хотя отсутствіе зубовъ у Федосовой заставляеть ее шепелявить. На публику повѣяло сѣдой стариной, поэзіей русскаго народа, простой, но могучей, такой тоскливой и удалой. Просить-молить Добрыня свою матушку отнустить его во чисто-поле; жалко матери разставаться съ нимъ. Федосова подчеркиваетъ сильныя мѣста діалога жестаами, вдохновляется, вся горитъ, привстаетъ со стула и наклоняется къ публикѣ какъ-бы желая внятье и ярче сказать ей

о старинѣ, полной кипучихъ силъ и богатырскою удали, полной любви къ свободѣ и искалѣя подвиговъ.

Она — рап содъ. Она живая легенда и, полумирающая — она всеми остатками своей жизненной энергіи воскрешаетъ передъ публикой умершую эпическую поэзію. Голосъ то повышается, то понижается и глаза сіяютъ все ярче. Ея антрепренеръ — останавливаетъ ее... Публика — аплодируетъ, хотя это въ большинствѣ своемъ публика ищущая легкихъ развлеченій, но и ее тронула, взяла за душу эпическая красота старухи, сила ея изложенія и новая ей, публикѣ, мелодія...

Воплъ вдовы по мужѣ — возглашаетъ „выводящій“ Федосову, г. Виноградовъ.

Раздается этотъ вопль и заставляетъ публику своей тоскливой, невыразимо простой и въ то же время неуловимой ухомъ мелодіей, рыдающей, полной страшной боли вздрогнуть. Слышенъ какой-то общій вздохъ. Это истинно народная поэзія, это тотъ стонъ, который создалъ народъ, наша стомиліонная масса. Потомъ вопить невѣста, выходя замужъ. Этотъ вопль оплакиваетъ гражданскую смерть личности, и онъ такъ же трогательно простъ какъ и силенъ чувствомъ тоски, вложеннымъ въ него. За каждой пѣснью Федосовой ей аплодируютъ все горячѣе...

Она поетъ еще веселую свадебную пѣсню и солдатскую. Последняя прямо поражаетъ своей мелодіей, похожей на византійскій рисунокъ, изобилующей тоскливо — удалыми выкриками, ахами, эхами, оттягиваніями нотъ и безконечными варіаціями на основной мотивъ. Пѣснь такъ звучна, хороша, такъ народна. Кончено. Около Федосовой толпа, ей жмутъ руки, говорятъ „спасибо“. Она сыплетъ на право и налѣво прибаутками, пословицами, поговорками и ея живыя глаза сіяютъ удовольствіемъ.

Въ концертъ Главача я сижу рядомъ съ ней и г. Виноградовымъ. Онъ говоритъ о томъ, что публики было мало, но расходы по дорогѣ и публикаціямъ окуплены.

— Все на меня расходы, — вздыхаетъ старуха и, помолчавъ, добавляетъ: — Туфли мнѣ вотъ бы...

Ей обѣщаютъ купить. Она сидитъ задумчивая, тусклая; внѣ своей старины, среди этихъ странныхъ зданій, блеска и всякой вычурности костюмовъ и зданій, такъ далекихъ отъ истинно русскаго — ей очевидно неловко, не по-себѣ.

Является Главачъ. Взмахъ его магической палочки, и залъ полонъ торжественныхъ звуковъ „1812 года“. Прославленное умѣнье В. И. владѣть оркестромъ — налицо, все партіи въ полной гармоніи, ни одинъ инструментъ не выдѣляется, глубоко народная музыка увертюры, важная, мощная, льется плавными волнами по залу и захватываетъ васъ чѣмъ-то новымъ, высоко поднимающимъ надъ буднями современности. Торжественный историческій моментъ, изложенный въ этихъ звукахъ — такъ хорошо рисуется широкой размахъ народной мощи, развернувшейся на защиту своей страны.

Потомъ играютъ „Обходъ“ изъ перью Гертли „Двое скупыхъ“. Это удивительно музыкальная вещьца и ее не даромъ биссировали. Честь публикѣ — у нея есть вкусъ. „Обходъ“ начать въ чуть слышномъ минорѣ — вы понимаете, что гдѣ-то далеко, по узкимъ, темнымъ улицамъ средневѣкового города идетъ толпа гражданъ и поетъ такую хорошую, бравурную пѣсню. Они еще далеко, ихъ чуть слышно, но они все ближе, и вотъ они предъ вами, шумные, веселые, кажется немного подъ вліяніемъ сока изъ гроздій виноградныхъ... Но они уходятъ — музыка становится тише. Она тутъ, въ то же время она исчезаетъ, удаляясь отъ васъ. Все тише, тише и чуть слышная, въ концѣ концовъ, она гаснетъ въ глухой темной дали. Какое тонкое, художественное пониманіе у В. И. Главача и какъ онъ хорошо, рельефно рисуетъ музыкальныя картины старыхъ мастеровъ.

Гг. Шоларъ, Кубанекъ и Мадукевичъ играли на скрипкѣ и виолончели съ аккомпаниментомъ арфы „Сомнѣніе“ Глинки и рвущій душу трагизмъ пьесы этой былъ ими переданъ такъ хорошо и сильно, что послѣ цѣлаго грома аплодисментовъ ихъ заставили повторить ее.

Г-жа Кронебергъ—артистка съ очень яснымъ и красивымъ голосомъ, исполнила „Индійскую легенду“ изъ Лакме.

Потомъ играли „Мэнуеть“.

Въ изложеніи Главача—это дѣйствительно король танцевъ и танецъ королей, какъ сказано у Мопассана. Граціозный, такой спокойно-мощный, такой красивый. Подъ его звуки вспоминается дворъ Людовика XV, маркизы въ фижмахъ, романтически настроенныя дамы, влюбленные пажи и вся эта красочная поэзія старой Франціи. Играли увертюру къ „Тангейзеру“—какъ бы для того, чтобъ показать, насколько эффектныя новшества Вагнера ниже дивной музыки старыхъ мастеровъ. Художественный тактъ В. И. Главача—видѣнь въ каждомъ взмахѣ его палочки; кажется, что всѣ смычки соединены съ ней невидимыми нитями и ею только и живутъ.

Отъ Главача—къ Маковскому.

Первое впечатлѣніе не въ пользу картины. Она кажется тусклою, въ ней мало солнца—и кучи яркихъ одеждъ, набросанныя на землѣ, кубки, стопы, братины,—все это недостаточно ярко, недостаточно вырисовывается, какъ-то очень массивно. И толпа тоже кажется массивной, неживой, безъ движенія. Но стоитъ посмотрѣть минутъ десять, и картина оживаетъ, и вы видите дѣйствительную, возбужденную, полную страшной силы толпу, собравшуюся „дѣлать исторію“.

Фигура Минина стоящаго на бочкѣ—очень хороша; понятно, почему все вокругъ него такъ кипитъ: это его огонь зажегъ толпу. Все болѣе и ярче вырисовываются въ ней отдѣльныя фигуры убогіе, колѣнки, снимающіе съ себя крестъ, красавица боярыня, вынимающая изъ ушей серьги, кожемяка, сующій свою кису возбужденному Козьмѣ; стрѣлецъ, свирѣпо взмахнувшій, надъ головою своею, сѣкирой. Очень оживляютъ толпу личики дѣтей, выписанныя кистью художника, должно-быть очень любящаго ихъ. Очень хороша заспанная дѣвчурка, въ белой рубашкѣ, стоящая почти на первомъ планѣ обѣ руку со своей сестрой; Суха, сидящая на землѣ, около кучи всего скарба и открывающая буракъ, не обращающая ни на что вниманія, тоже очень типична. Вдали сквозь толпу пробивается верецъ, толпа течетъ изъ воротъ кремля такою устой волной, надъ ней туча пыли и дыма всего старикъ кремль. Его сѣрыя хурмы очень хороши на фонѣ неба въ легкѣхъ, бѣлыхъ облакахъ. Левый уголокъ картины скрываетъ зеленый кусокъ Заважья съ церковью, утонувшей въ купѣ деревьевъ.

Можно повторить, что въ картинѣ мало воздуха и солнца, но едва-ли можно отрицать ея историческую и художественную правду. Толпа Маковского глубоко народна—это именно весь нижегородскій людъ стараго времени собрался отстаивать Москву и безкорыстно, горячо, срываетъ съ себя рубаху въ жаждѣ положить кости за родную землю. Картина не нравится.

А́быть можетъ она потому намъ не нравится, что уже чужда намъ, что слишкомъ далека отъ нашихъ дней, когда мы, раньше срывавшіе свои послѣднія рубахи для нужды страны—теперь собрались срывать рубахи съ нашихъ выставочныхъ гостей?

I. M. Pacatus.